

МЯТЕЖНЫЙ ДУХ ЭКСПЕРИМЕНТАТОРСТВА

Григорий Заславский неправильно оценивает
Театр Луки Ронкони («Кулиса НГ», 1998, № 9)

Независимая газета, -1998, -19 июля, -с. 15

Мария Скорнякова

В СТАТЬЕ «Вечные ценности Сицилии» Григорий Заславский пишет, в частности: «...за четверть века до «последних дней человечества» и за год до самого знаменитого спектакля Ронкони «Неистовый Роланд» <...> много похожего уже было в спектакле Юрия Любимова «Десять дней, которые потрясли мир». Продолжая крамолу, скажу еще, что даже неудачный для Любимова спектакль «Скотопригоньевск» <...> несравнимо эффектнее, увлекательнее по форме и куда лучше и больше может сказать о прежней силе нашего мэтра, чем нынешние наивные и беспомощные опыты Луки Ронкони». Ником образом не желая умалить режиссерские заслуги Юрия Любимова, хочу все-таки напомнить критику о кое-каких важных, с моей точки зрения, вещах.

«Неистовый Роланд» был впервые показан на фестивале в Сполето в помещении бывшей церкви (в дальнейшем он шел также на площадях городов разных стран мира). Ронкони предложил совершенно новый тип театрального пространства, основанный на симультанности: действие разворачивалось одновременно на нескольких деревянных помостах, двигающихся среди публики, а зрители могли свободно передвигаться по залу во время представления и выбирать для себя самую интересную сцену. Здесь появлялись и исчезали прекрасные дамы и рыцари на боевых конях, над головами зрителей парил сказочный иппогриф, звучали любимые с детства стихи. Это была сама сказка, а герои находились совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки. «Спектакль-праздник, народное торжество, великое коллективное действие», — писала пресса. Публика принимала его с энтузиазмом.

Воздействие «Неистового Роланда» на мировой театр было огромным. Как искры из разорвавшейся ракеты, рассыпались идеи и открытия спектакля Ронкони, и след от него — даже на уровне отдельных приемов, частных находок и просто образов — можно обнаружить в спектаклях самых разных режиссеров в Италии и за ее пределами и по сей день.

Странно, но факт: после «Неистового Роланда» Ронкони был вынужден покинуть Италию и работать за границей. Итальянские чиновники от искусства долго не хотели принимать Ронкони, всячески препятствовали показу его спектаклей. «Боязнь нового и необычного» — так определяла причину бойкота театральная критика. Именно по этой причине «Неистового Роланда» не смогли увидеть в Советском Союзе, хотя попытки организовать гастроли предпринимались.

«Достаточно выйти за схемы, чтобы обрести новые возможности», — утверждал Ронкони в 70-х. И почти каждый его спектакль открывал что-то новое, неожиданное, нетрадиционное, и прежде всего в области театрального пространства. Он впервые (в наше время) показал всю трилогию Эсхила «Орестея». Спектакль был поставлен в особой, специально построенной деревянной структуре, сочетающей в себе элементы древнегреческого театра, елизаветинской сцены и сцены традиционной. Зрители находились на галереях с трех сторон вокруг основной сцены, расположенной в центре и качающейся подобно палубе. А вся деревянная конструкция представляла собой некое подобие корабля. В «Орестее» Лука Ронкони показал себя непревзойденным мастером пластической метафоры. На фестивале БИТЕФ в Белграде за этот спектакль он получил Гран-при.

Мятежный дух экспериментаторства побуждал Ронкони пробовать все новые и новые пространственные формы. В спектакле о фашизме «XX» по пьесе Р.Уилкока, с огромным успехом шедшего в Париже, режиссер предложил еще одну модель симультанного театра. В двухэтажной легко разбирающейся конструкции зрители группами разводили по отдельным комнатам, где и начинался спектакль. Постепенно, с каждой новой сценой, перегородки убирались, до тех пор пока пространство не становилось единым. «XX» шел на двух языках — итальянском и французском. И это тоже было впервые.

Драматическая судьба ждала, пожалуй, самый загадочный спектакль Ронкони,

поставленный им на озере. Пьеса Клейста «Кэтхен из Гейльбронна» — романтическая история о любви и странных снах — воплотилась в феерическое действие на воде: по воде плыли понтоны со сказочными замками, по воде двигались и плавающие трибуны со зрителями. Спектакль был готов, но после генеральной репетиции неожиданно запрещен городскими властями Цюриха (по причинам безопасности). «Спектакль, который мог бы повторить судьбу «Роланда», в том виде, как он был задуман, не состоялся», — писала пресса.

Первая работа Луки Ронкони после возвращения на родину вызвала широчайший резонанс. Это была «Утопия» (по шести комедиям Аристофана), поставленная в Венеции в помещении бывших судоверфей. И этот спектакль по своей форме был новаторским: действие разворачивалось в большом прямоугольном пространстве (зрители на сей раз находились с двух сторон у стен). В центре зала, из одного его конца в другой двигалась процессия — платформы с декорациями и актерами, автомобили, грузовики, аэропланы, бесконечная вереница людей и машин. Спектакль игрался на ходу. «Утопия» стала крупнейшим театральным событием — о ней писали газеты и журналы всего мира.

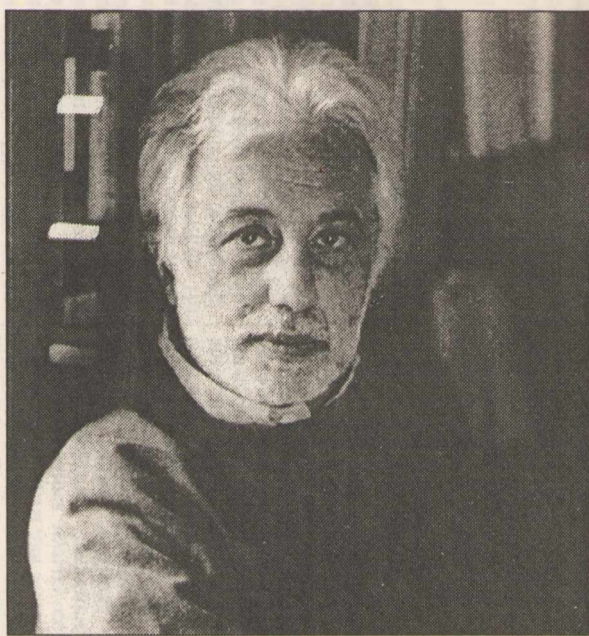
Ронкони убежден, что каждая пьеса требует своего типа отношений между сценой и зрителями и, соответственно, особой пластической среды. «Каждый текст обладает своей скрытой врожденной пространственной сущностью», — говорит он. Режиссер работает в любых пространственных условиях: он ставит спектакли и на традиционной сцене, и на городской площади, и в маленьких комнатах института, и в громадном помещении автозавода... Он может работать с огромной массой актеров и делать спектакли для колоссального числа зрителей, а может поставить пьесу с одним-единственным исполнителем для маленькой группы людей. Именно таким был его знаменитый спектакль «Вакханки» Еврипида. Пьеса была сыграна одной актрисой (Мариза Фаббри), которая водила за собой небольшую группу зрителей из одной комнаты в другую. Этот прием, который впоследствии стал широко использоваться театром, был предложен Ронкони.

Среди лучших работ мастера в драматическом театре необходимо назвать следующие: «Дикая утка», «Привидения» Ибсена, «Федра» Раейна, «Ричард III», «Король Лир» Шекспира, «Игра снов» Стриндберга, «Три сестры» Чехова, «Горные великаны» Пиранделло... Новаторскими были и многие постановки Ронкони в оперном театре — произведения Россини, Верди, Вагнера...

Так сложилось, что Лука Ронкони не имел своего театра (такого, какой был у Стрелера в Милане). Перелом произошел в 1989 г.: ему впервые предложили возглавить один из ведущих театров страны — туринский Стабиле. Там он поставил грандиозный спектакль «Последние дни человечества» по драме австрийского драматурга начала века Карла Крауса о первой мировой войне и о той негативной роли, которую сыграла в ней пресса. Спектакль был поставлен в Линготто — одном из цехов туринского автозавода. Здесь Ронкони использовал тот же прием симультанного действия, что и в «Неистовом Роланде», но в значительно больших масштабах.

Видеофильм, снятый режиссером по этому спектаклю, был показан в Таормине. На телевидении демонстрировались и другие работы Ронкони, в частности «Неистовый Роланд». Заметим, что это не спектакль 1969 г., а пятисерийный телефильм, совсем другая, более поздняя работа Ронкони, фильм замечательный, блистательный, ироничный, во многом похожий на спектакль (в нем снимались те же актеры), но иной по интонации и настроению.

В Таормине много говорили об учениках Ронкони. Действительно, он воспитал целую плеяду актеров, в течение долгих лет работая в Академии драматического искусства. Все спектакли в театре и на те-

Лука Ронкони. Таормина. 1998 г.

левидении он ставит со своими актерами. Некоторых из его учеников можно было увидеть в Таормине.

Вообще в лучших, наиболее интересных работах режиссера обычно преобладает образ пластический. Он становится стержнем спектакля, соединяющим воедино все остальные его компоненты. К сожалению, показанные в Таормине фрагменты спектаклей — сцена из незавершенной трилогии «Братья Карамазовы» по Достоевскому («Великий Инквизитор») и сцена из спектакля «Сегодня мы импровизируем» Пиранделло, — сыгранные на пустой сцене, вне присущего им пространства, без декораций и костюмов, не могли дать представления о театре Ронкони. Иное дело — репетиция.

Элизабетта Поцци (покорившая московских зрителей прекрасным исполнением роли Сони в спектакле Петера Штайна «Дядя Ваня») и режиссер сидели на сцене за столиком и репетировали монолог из пьесы «Сегодня мы импровизируем». Поначалу, пожалуй, ощущалась скованность не только у актрисы, но и у режиссера, хотя все же это была репетиция Ронкони, с присущими ей особенностями. Только если бы то была обычная, а не показательная репетиция, режиссер «мучил» бы Поцци значительно дольше.

Молодая актриса, хрупкая, с нервным, очень подвижным лицом и огромной рыжей копной волос, напомнила своим обликом знаменитую Марту Аббу, первую исполнительницу пьес Пиранделло, его любовь, его музу. Она читала фрагмент финального монолога Моммины о театре, трагического монолога, заканчивающегося ее смертью. Как обычно это бывает на репетициях Ронкони, работа шла маленькими кусочками: режиссер останавливал актрису на середине фразы, на середине слова, вводя ее в нужную ему тональность. И в акцентах, которые делал режиссер, хорошо просматривалась перспектива будущего монолога. Напряженные сцены, ее драматизм, несмотря на постоянные остановки, не падали, а шли по нарастающей вплоть до заключительной фразы «Вот что такое театр!»

В этом монологе было столько горечи и столько любви к театру — героини пьесы Пиранделло, актрисы и самого Луки Ронкони. Невольно вспомнились сказанные им некогда слова об искусстве, которому он отдал жизнь: «Какое мучительное это искусство! И какое прекрасное!»

О Луке Ронкони говорят как об одном из самых образованных и интеллектуальных режиссеров нашего времени. Жизнь Ронкони — это театр, только театр, его единственная и всепоглощающая страсть, которой он отдает себя без остатка. «Я очень счастливый человек», — говорит Ронкони и нисколько не лукавит. Сейчас ему 65. С 1994 г. он возглавляет столичный театр Стабиле ди Рома. Он полон энергии и творческих планов и неустанно, одержимо претворяет в жизнь один свой замысел за другим. Будем надеяться, что и русский зритель наконец сможет увидеть и оценить искусство итальянского мастера.

